

МАСТЕР-КЛАСС ПО РЕГИОНАЛЬНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ ДЛЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ИЛЬЯ ДЬЯЧКОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Главным достижением Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) можно назвать создание и распространение особой политической культуры, норм и режима международного взаимодействия. Благодаря АСЕАН, в Юго-Восточной Азии закрепились установка на поддержание диалога, невзирая на разногласия. Такая качественная перемена особенно заметна в сравнении с соседним, исторически и типологически во многом сходным регионом – Северо-Восточной Азией. В нём, между тем, не только не просматривается стремления к консолидации, но, напротив, закрепляется конфронтационная парадигма взаимодействия. Апелляция к специфике исторической эволюции региона не способны объяснить сложившуюся ситуацию, поскольку те же центробежные и поляризующие факторы (конфликты по поводу легитимности существования отдельных государств, сложности древней и новой истории, территориальные споры, несовпадение политических интересов и геостратегических ориентаций) наблюдались и в Юго-Восточной Азии, причем как накануне, так и после появления АСЕАН. Тем не менее становление этой организации и сопутствовавшее её развитию изменение регионального политического дискурса и нормативного пространства помогли сгладить их влияние, настроив стороны на поддержание контактов даже при сохраняющихся расхождениях. Принципы функционирования и философия АСЕАН могли бы стать ориентиром для многосторонних структур, формирующихся в Северо-Восточной Азии. Полноценный диалог предоставил бы всем сторонам новые рычаги влияния, инструмент контроля над ситуацией. Пусть сам по себе он не решит проблемы региона, но его начало позволит предотвратить наихудшие сценарии и создаст условия для долгосрочного урегулирования политических конфликтов.

Ключевые слова:

АСЕАН; Северо-Восточная Азия; конфликты; территориальные споры; интеграция; шестисторонние переговоры.

В 2017 г. исполняется полвека лет с тех пор, как Индонезия, Сингапур, Малайзия, Таиланд и Филиппины подписали в Бангкоке декларацию, учредившую Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). За это время АСЕАН изменилась и количественно (удвоив число членов), и качественно – пройдя путь от декларативного объединения до авторитетного между-

народного института. Организацию нередко критикуют за излишнюю бюрократизированность и несоответствие результатов сотрудничества амбициозным целям. В то же время АСЕАН удалось многого достичь. Она запустила процесс экономической интеграции Юго-Восточной Азии (ЮВА), наладила связи с внешними партнёрами, выступая как единое целое, и главное – вы-

строила устойчивый режим взаимодействия внутри региона. Эти качественные перемены особенно заметны в сравнении с Северо-Восточной Азией (СВА).

Несмотря на схожесть исторического пути и то, что страны СВА опережали южных соседей по ряду показателей социально-экономического развития, применительно к ним трудно говорить о единстве. Чрезвычайно остро стоят корейский вопрос, тайваньская проблема, просматриваются перспективы обострения экономической и политической конкуренции между Японией, Китаем и Республикой Корея. Принципы деятельности АСЕАН не носят универсального характера, и каждый регион имеет свои характерные черты. Вместе с тем странам СВА стоило бы извлечь несколько уроков из полувековой истории Ассоциации.

1

Причины, осложняющие политическую и экономическую интеграцию в СВА, хорошо известны. *Во-первых*, сотрудничеству мешают локальные конфликты – корейский и тайваньский. Они не только препятствуют сближению непосредственно вовлечённых в них сторон, но вполне способны дестабилизировать весь макрорегион. В периоды их обострения ситуация быстро выходит за рамки конфронтационной риторики, приобретая черты предвоенного кризиса. Более того, длительный период развития этих комплексных конфликтов создаёт питательную среду для вызревания новых вызовов региональной безопасности. Такого рода конфликтогенным потенциалом, несомненно, характеризуется ядерная проблема Корейского полуострова.

Во-вторых, в регионе сохраняются рудименты биполярного противостояния. Несмотря на окончание «холодной войны», в СВА не только не распалась, но даже несколько укрепилась система военных союзов во главе с США (система «оси и спиц») [Дьячков 2016: 115]. Одновременно нормализация с начала 1990-х годов отношений в треугольнике Россия-Китай-Республика Корея, обусловившая распад советско-се-

верокорейского и постепенное обесценивание китайско-северокорейского союзов, способствовала усилению опасений в Корейской Народно-Демократической Республике относительно собственной изоляции. Эти опасения подтолкнули Пхеньян к поиску альтернативных способов обеспечения безопасности, включая развитие ядерной и ракетной программ, порождающие страхи не только у традиционных оппонентов, но и у партнёров Пхеньяна.

Под предлогом защиты от северокорейской угрозы происходит постепенная милитаризация региона – развёртывание элементов ПРО США, увеличение масштабов американо-южнокорейских учений, наращивание военного потенциала Японии. Пекин, полагая, что расширение военного присутствия Соединённых Штатов, а также ремилитаризация Токио направлены на его сдерживание, в свою очередь интенсифицировал собственное военное строительство. Наблюдаемое «накачивание» СВА вооружениями в сочетании с большим количеством нерешённых конфликтов, взаимными опасениями и претензиями создаёт исключительно опасный фон для международных усилий, нацеленных на поддержание региональной стабильности.

В-третьих, специфическим препятствием на пути достижения единства в СВА оказываются синдромы взаимного восприятия, обусловленные историей отношений. Центральное место среди них занимают претензии в отношении действий Японской империи в первой половине XX века и особенно в период Второй мировой войны. Остро политизированной, в частности, остается проблема «женщин для комфорта» (девушек из подконтрольных Токио территорий, привлечённых насильственно или обманным путём к работе в японских полевых борделях). Кроме того, сохраняются спорные вопросы, относящиеся к средневековой и даже древней истории. К примеру, Китай оспаривает этническую принадлежность древнекорейского государства Когурё.

В-четвертых, из общей сложной истории проистекают и пограничные споры. По-

мимо широко обсуждаемых конфликтов – корейско-японского из-за островов Лианкур (Токто/Такэсима) и японо-китайского по поводу архипелага Сэнкаку (Дяоюйдао), существуют и менее известные, например, корейско-китайско-японские разногласия о принадлежности подводной скалы Сокотра (Иодо). Особенность латентных территориальных споров в том, что в случае политической необходимости обостряются и выносятся в международное поле даже те из них, которые обычно обсуждаются лишь отдельными группами общественности – приверженцами националистических взглядов. Наконец, между странами сохраняются острые разногласия по поводу картографической номенклатуры: в частности, Сеул и Пхеньян страстно оспаривают правомерность названия «Японское море», обозначая его как Восточное или Восточно-корейское соответственно.

В-пятых, существенной помехой с точки зрения консолидации региона остается острая конкуренция между Китаем, Японией и Республикой Корея, сочетающаяся с разнонаправленностью интересов и малой совместимостью амбиций этих трёх государств. Несмотря на тесное экономическое взаимодействие, активную торговлю и инвестиции, сотрудничество в области безопасности между ними находится на крайне низком уровне (даже между Южной Кореей и Японией – двумя союзниками США). Бывшая президент Республики Корея Пак Кынхе, продвигая «инициативу мира и сотрудничества в СВА», называла сложившееся положение вещей «азиатским парадоксом» [Park 2012]. Последний, впрочем, объяснить нетрудно: мощным источником центростремительных тенденций выступает политический национализм, через призму которого элиты стран региона рассматривают международное взаимодействие.

2

После такого длинного перечня источников трений и конфликтности в регионе может возникнуть впечатление, что отсутствие в СВА сообщества, подобного АСЕАН, совершенно закономерно. Вместе с тем

Ассоциация формировалась в ЮВА на фоне схожих с описанными обстоятельств. Более того, некоторые из них сохраняются и поныне.

АСЕАН сумела успешно преодолеть последствия биполярности. Изначально организация состояла из некоммунистических стран ЮВА, и ощущаемая ими угроза распространения коммунизма, как известно, стала одним из побудительных мотивов к объединению [Narine 2008: 414]. В дальнейшем Ассоциации удалось не просто наладить отношения с бывшими оппонентами, но и снять противоречия полностью, включив в состав организации в 1995 г. Вьетнам, а в 1997-м – Лаос. Этот успех не означает, что в Юго-Восточной Азии достигнута политико-идеологическая однородность: в АСЕАН, как и в СВА, представлены государства с далеко не всегда совпадающими интересами, а их отношения не обязательно складываются в полной мере гармонично.

Нельзя говорить и об изначально большей – по сравнению с СВА – социокультурной или исторической общности будущих стран-участниц АСЕАН. И в древности, и в новейшее время регион пережил многое. От сложностей, обусловленных совместным близким проживанием столь различных этнически и религиозно народов, до приграничных стычек уже между современными политическими образованиями в 1950–1960-х годах [Stubbs, Mitrea 2017: 1]. Отношения не были идеальными и между государствами-основателями АСЕАН даже накануне появления организации. В частности, в 1963–1966 годах Индонезия не только политически, но и военными средствами противодействовала появлению Малайзии, не признавая её легитимность. Сходной позиции придерживались Филиппины [Narine 1998: 196]. Отрицание права потенциального партнёра на существование – вполне обычная для СВА практика в реалиях и корейского, и тайваньского вопросов, что, по сути, равнозначно заведомому отказу от диалога. Однако участникам АСЕАН удалось преодолеть это препятствие.

Не помешали созданию и развитию Ассоциации и территориальные споры, ко-

торые в ЮВА возможно, даже более сложны, чем в СВА (в силу более мозаичного состава участников и присутствия внерегионального китайского фактора), и не менее многочисленны. При этом страны-участницы объединения не стали рассматривать эти разногласия как помеху для начала взаимодействия в 1967 г. или приёма новых членов позднее [Kivimäki 2012: 413]. Более того, АСЕАН стала площадкой для формирования общей позиции в территориальных спорах с Китаем, хотя урегулирование этих конфликтов и протекает сложно, а частные интересы сторон нередко не позволяют выработать единых подходов [Локшин 2015: 128-129; Петрова 2016: 79-80].

Благодаря достигнутому компромиссам государствам-членам организации удалось существенно укрепить безопасность в своём регионе [Kivimäki 2001]. Ассоциации удалось сформировать и распространить особую политическую культуру и режим международного взаимодействия, получившие название «путь АСЕАН» [Колдунова 2011: 79] и провозгласившие своей главной ценностью поддержание диалога. Даже перед лицом острых вопросов приоритет отдается достижению консенсуса.

Далеко не все эксперты считают организацию эффективной и оптимистично оценивают перспективы её развития. Скептики были и среди американских наблюдателей в конце 1960-х годов, хотя, казалось бы, появление некоммунистической группировки в тогдашних реалиях должно было вызвать их безусловное одобрение [The ASEAN 1967]. В прошедшие полвека исследовательское сообщество прохладно встречало появление всех новых инициатив блока, в том числе проекта экономической интеграции [Pomfer 1996: 383-385]. АСЕАН по-прежнему редко определяет международно-политическую повестку в регионе самостоятельно, и не всегда воспринимается как единая действующая сила [Amador 2010: 607]. Консенсус по многим острым внешним и внутренним проблемам порой достигается с трудом [Сумский 2016].

Своим долголетием АСЕАН отчасти обязана известной слабости связей между его

членами и нежеланию организации форсировать их сближение. Тем не менее нельзя согласиться с теми из критиков, которые называют деятельность Ассоциации «имитацией активности» [Jones, Smith 2006: 44-73]. Такие высказывания исходят из спорной посылки: критерием успешности объединения становится появление надгосударственных структур, в той или иной степени ограничивающих суверенитет. Между тем главное достижение АСЕАН – не строительство институтов и не интегрирование экономик участников, а появление новой международно-политической культуры и контроль над парадигмой взаимодействия в регионе, в частности по вопросам военной безопасности [Байков 2007, 2012].

Эту составляющую жизнедеятельности региона сложно измерить в количественных категориях. Тем не менее её вполне можно выявить в сравнении с соседним регионом – СВА. В условиях, когда стороны не готовы начинать диалог из-за расходящихся амбиций или принципиальных соображений, едва ли не единственным способом заявить о своих интересах, привлечь внимание партнёров и оппонентов, повлиять на их решения становятся односторонние действия, которые другими участниками воспринимаются как угроза или провокация. Показательно в этом смысле, что по мере охлаждения межкорейских отношений и разрыва каналов прямого взаимодействия между Сеулом и Пхеньяном в 2010-х годах более заметное место в сигнализировании двух государств стали занимать военные акции (для Севера – ракетные пуски, для Юга – совместные с США учения).

Таким образом, отсутствие каналов политической связи главной формой взаимодействия с оппонентами и средством обработки взаимных претензий становится конфликт – интенсивный диалог на языке силового давления и односторонних санкций, заменяющий нормальное межгосударственное общение. При этом политика большинства держав СВА в области безопасности в целом пассивна или реактивна: следуя логике «вызов – ответ», она создаёт условия для быстрого перерастания «про-

вокаций» в конфликты с дальнейшей плохо контролируемой эскалацией.

Существующий градус конфронтации, трактуемый в качестве приемлемого, вполне устраивает ряд государств СВА в качестве оправдания сохранения американского военного присутствия в регионе (и гарантии его возможного расширения) и ремилитаризации Японии. Для японских, северо- и южнокорейских консервативных кругов перспектива конфликта остаётся средством внутривнутриполитической мобилизации. Кроме того, без конфронтации оказалось бы невозможным использование полюбившейся Пхеньяну в 1990-х – начале 2000-х годов тактики: КНДР, предварительно спровоцировав мировое сообщество, демонстрировала готовность идти на уступки по ядерному вопросу в обмен на военно-политические или экономические дивиденды.

Э

Сложившаяся логика политического взаимодействия в СВА потенциально опасна. Один из способов ее изменения – институционализировать общение сторон, сделав его не ситуативным, а регулярным и постоянным. Для этого не нужна глубокая интеграция стран, высокая продуктивность переговоров или даже единомыслие участников. Для перезапуска отношений достаточно будет создания устойчивого канала взаимодействия, функционирование и доступность которого не зависят от шагов конкретных участников.

Пример АСЕАН мог бы стать уроком для стран СВА. Слабость связей в предлагаемой Ассоциацией модели – плюс для региона, в котором разногласия велики между военными союзниками де-юре (Китай и КНДР) и де-факто (Республика Корея и Япония), не говоря уже о принципиальных оппонентах. Значимым было бы само появление канала общения, и его основной практический смысл по крайней мере на первых порах заключался бы не в воплощении в жизнь каких-либо договорённостей

(их достижение, скорее всего, было бы непростым), а в снижении интенсивности конфликтов между государствами региона. Принципиальным является всеохватный характер нового механизма.

Ограниченный перенос норм и практик АСЕАН в СВА в сущности уже происходит. С 2008 г. Республика Корея, Китай и Япония проводят регулярные встречи лидеров, а в 2011 г. заработал секретариат трехстороннего сотрудничества¹. Очевидно, что оба этих начинания были вдохновлены опытом взаимодействием Пекина, Сеула и Токио со странами ЮВА в формате АСЕАН+3. Вместе с тем формирующийся механизм занимается лишь частными вопросами трехсторонней координации, в первую очередь по экономическим проблемам, и закрыт для любых иных стран.

Другой пример распространения позитивного влияния Ассоциации – создание в 1994 г. Регионального форума АСЕАН по вопросам безопасности (АРФ) и включение в его состав всех государств СВА. Инклюзивный характер этого института обеспечил вовлечение в него Монголии, нередко выпадающей из общерегиональных обсуждений, и КНДР, почти не участвующей в других регулярно действующих форумах, занимающихся вопросами безопасности. АРФ, впрочем, в силу излишней широты странового и тематического охвата, не способен существенным образом оздоровить положение дел в СВА. Такая задача и не ставится в его повестке в качестве приоритетной. В то же время стабильность работы данного канала доказывает, что регулярные встречи даже по столь чувствительным вопросам и с широким набором партнёров возможны.

* * *

Государствам СВА, среди которых и Россия, не следует уповать на АСЕАН в ожидании, что эта организация займется решением проблем всего макрорегиона. Вместе с тем принципы и философия рабо-

¹ Trilateral Cooperation Overview. Trilateral Cooperation Secretariat. URL: <http://www.tcs-asia.org/en/data/overview.php>

ты АСЕАН могли бы стать прототипом структур, формирующихся в условиях СВА. При этом странам Северо-Восточной Азии незачем изобретать нечто принципиально новое – достаточно оживления уже имеющихся институциональных активов – например, шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова.

Этот форум с участием двух Корей, России, США, Китая и Японии, начавший работу в 2003 году, не собирался с 2008-го. Эксперты скептически оценивают перспективы возобновления его работы [Wallerstein 2015: 30; Тан 2016]. Между тем одной из причин остановки переговоров стала не их неэффективность, а напротив – чрезмерная амбициозность. Стороны быстро достигли момента, когда от них требовалось выполнение действий, на которые они не могли пойти из-за недоверия к партнёрам.

В научных кругах возможность реанимации шестисторонних переговоров обсуждалась и обсуждается достаточно широко, в частности за счет расширения круга рассматриваемых в ней вопросов и превращения этого специализированного формата в универсальный механизм. В качестве аргументов в пользу такой идеи обычно приво-

дятся многолетний положительный опыт взаимных консультаций, логичность перехода к более масштабным задачам [Воронцов, Агальцов 2010: 17]. Основными препятствиями называют различия между сторонами в оценке ситуации и угроз, их нежелание обсуждать ряд проблем (например, территориальные споры) в многостороннем формате [Воронцов, Агальцов 2010: 17, 20], а также низкий уровень взаимного доверия [Торкунов 2010: 346].

Подход АСЕАН, ориентированный не на быстрый результат, а на поддержание контактов, выстраивание доверия и создание общей, неделимой безопасности для участников, представляется эффективным способом преодоления указанных противоречий. Полноценный диалог предоставил бы всем сторонам новые политические рычаги, инструмент контроля над ситуацией. Его начало позволит всем участвующим странам влиять на свою и общую судьбу, на действия партнёров, на будущее безопасности региона. Диалог сам по себе не решит проблемы региона, но его начало позволит предотвратить наихудшие сценарии и создаст условия для долгосрочного урегулирования.

Список литературы

- Байков А. «Интеграционные маршруты» Западно-Центральной Европы и Восточной Азии // Международные процессы. 2007. Том 13. № 1 (40). С. 4–17.
- Воронцов А., Агальцов П. Возможна ли многосторонняя структура безопасности в Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 7–23.
- Дьячков И.В. «Немирный атом» Северо-Восточной Азии: корейский узел. М.: МГИМО-Университет, 2016. 239 с.
- Колдунова Е.В. Дефицит лидерства в Восточной Азии: шансы для малых и средних стран. // Международные процессы. 2011. Том 9. № 2 (26). С. 70–81.
- Локшин Г.М. Филиппины против Китая в Гаагском арбитраже // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. № 28. С. 126–133.
- Петрова О.Л. Реакция Индонезии на постановление Гаагского суда по иску Филиппин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 32. С. 76–81.
- Сумский В.В. Поворот России на Восток – измерение АСЕАН: результаты, проблемы, перспективы. 2016. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/13/14713505151.pdf>
- Торкунов А.В. Ядерные испытания в КНДР: тактические ошибки и стратегические проблемы // По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 345–348.
- Amador III J.S. ASEAN in the Asia Pacific: Central or Peripheral? // Asian Politics and Policy. 2010. Vol. 2. No. 4. P. 601–616.
- Jones D.M., Smith M.L.R. ASEAN and East Asian International Relations: Regional Delusion. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2006. 288 p.
- Kivimäki, T. The long peace of ASEAN // Journal of Peace Research. 2001. Vol. 38. No. 1. P. 5–25.
- Kivimäki T. Southeast Asia and conflict prevention. Is ASEAN running out of steam? // The Pacific Review. 2012. Vol. 25. No. 4. P. 403–427.

- Narine S.* ASEAN and the Management of Regional Security // *Pacific Affairs*. 1998. Vol. 7. No. 2. P. 195–214.
- Narine S.* Forty years of ASEAN: a historical review // *The Pacific Review*. 2008. Vol. 21. No. 4. P. 411–429.
- Park Gyeon-hye.* A Plan for Peace in North Asia // *The Wall Street Journal*. 2012. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323894704578114310294100492>
- Pomfer R.* ASEAN: Always at Crossroads? // *Journal of the Asia Pacific Economy*. 1996. Vol. 1. No. 3. P. 365–390.
- Stubbs R., Mitrea S.* ASEAN at 50: The Global Political Economy's Contribution to Durability // *Contemporary Politics*. 2017. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/13569775.2017.1314061>
- Tan Ming Hui.* Resuming the Six-Party Talks?: bleak prospects // *RSIS Commentaries*. 2016. No. 40. URL: https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/cms/co16040-resuming-the-six-party-talks-bleak-prospects/?doing_wp_cron=1502729044.2059009075164794921875
- The ASEAN // *China Report*. 1967. Vol. 3. № 6. P. 5–6.
- Wallerstein M.B.* The price of inattention: a survivable North Korean nuclear threat? // *The Washington Quarterly*. 2015. Vol. 38. No. 3. P. 21–35.

ASEAN'S LESSONS FOR NORTHEAST ASIA'S REGIONAL COOPERATION

ILYA DYACHKOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

Since its inception 50 years ago, Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) has made considerable progress and many of its projects have been overall successful. Nonetheless, its greatest achievement may be that it shaped and helped spread a unique political culture and a new set of norms for macroregional international interaction. ASEAN taught its region the value of dialogue and to maintain contact despite existing differences. This qualitative change is especially evident in contrast to Northeast Asia, otherwise very similar to its southeast neighbors in political composition and history. Not only does Northeast Asia shy away from deep intraregional cooperation, but it also treats confrontation as the main mode of interaction and employs conflict rather than dialogue as its preferred means of exchanging political signals. At first glance, this situation can be explained away with the region's unique history and background. However, Southeast Asia experienced very similar centrifugal and polarizing influences on the eve of ASEAN's creation and throughout its life (these include existential legitimacy conflicts, old and new historical issues, territorial disputes, divergent political interests and orientations). Nonetheless, the rise of this organization changed regional political discourse and consequently mitigated these factors, encouraging states to engage in dialogue regardless of differences. History knows of cases when ASEAN norms and practices spilled over to Northeast Asia: such are trilateral meetings between Japan, China and the Republic of Korea, or Northeast Asia's integration into the ASEAN Regional Forum. However, it would be naively absurd to expect ASEAN to resolve all of its neighbors' problems. Rather, its principles and spirit may become a great example for structures that may emerge in Northeast Asia. This path would require revitalizing and carefully reforming of the institutions already in place out there, such as the Six-Party Talks on the Korean nuclear problem. Real dialogue would provide all parties with new leverage to control the international situation. While it may be insufficient to eliminate the region's security dilemmas, its launch would avert the worst and set the stage for long-term resolution of Northeast Asia's long-suffered conflicts.

Keywords:

ASEAN; Northeast Asia; conflict; integration; Six-Party Talks.

References

- Amador III J.S. (2010). ASEAN in the Asia Pacific: Central or Peripheral? *Asian Politics and Policy*. Vol. 2. No. 4. P. 601–616. DOI: 10.1111/j.1943-0787.2010.01217.x
- Baykov A. (2015). "Integratsionnye marshruty" Zapadno-Tsentralnoj Evropy i Vostochnoj Azii. ["Integration routes" in West-Central Europe and East Asia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 13. No. 1(40). P. 4–17.
- Dyachkov I. (2016). "Nemirnyj atom" Severo-Vostochnoj Azii: korejskij uzal ["Non-Peaceful Atom" of Northeast Asia: The Korean Knot]. Moscow: MGIMO University. 239 p.
- Jones D. M., Smith M. L. R. (2006). *ASEAN and East Asian International Relations: Regional Delusion*. Cheltenham, UK: Edward Elgar. 288 p.
- Kivimäki T. (2001). The long peace of ASEAN. *Journal of Peace Research*. Vol. 38. No. 1. P. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343301038001001>
- Kivimäki T. (2012). Southeast Asia and Conflict Prevention. Is ASEAN Running Out of Steam? *The Pacific Review*. Vol. 25. No. 4. P. 403–427. DOI: 10.1080/09512748.2012.685094
- Koldunova E. (2011). Defitsit liderstva v Vostochnoj Azii: shansy dlya malyh i srednih stran [Leadership Shortage in East Asia: Opportunities for Small and Medium Nations]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. No. 2(26). P. 70–81.
- Lokshin G. (2015). Filippiny protiv Kitaya v Gaagskom arbitrazhe [The Philippines vs. China in the Hague Court of Arbitration]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya*. No. 28. P. 126–133.
- Narine S. (1998). ASEAN and the Management of Regional Security. *Pacific Affairs*. Vol. 7. No. 2. P. 195–214. DOI: 10.2307/2760976
- Narine S. (2008). Forty years of ASEAN: a historical review. *The Pacific Review*. Vol. 21. No. 4. P. 411–429. DOI: 10.1080/09512740802294689
- Park Gyeon-hye (2012). A Plan for Peace in North Asia. *The Wall Street Journal*. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323894704578114310294100492>
- Petrova O. (2016). Reaktsiya Indonezii na postanovlenie Gaagskogo suda po isku Filippin [Indonesia's Reaction to Hague Court Ruling on the Philippine's Lawsuit]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya*. No. 32. P. 76–81.
- Pomfer R. (1996). ASEAN: Always at Crossroads? *Journal of the Asia Pacific Economy*. Vol. 1. No. 3. P. 365–390. DOI: 10.1080/13547869608724597
- Stubbs R., Mitrea S. (2017). ASEAN at 50: The Global Political Economy's Contribution to Durability. *Contemporary Politics*. Published online: 05.04.2017. P. 1–20. DOI: 10.1080/13569775.2017.1314061
- Sumskiy V. (2016). *Povorot Rossii na Vostok – izmerenie ASEAN: rezultaty, problemy, perspektivy* [Russia's Pivot to The East – The ASEAN Dimension: Results, Problems, Prospects]. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/13/14713505151.pdf>
- Tan Ming Hui. (2016). Resuming the Six-Party Talks?: bleak prospects. *RSIS Commentaries*. No. 40. URL: https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/cms/co16040-resuming-the-six-party-talks-bleak-prospects/?doing_wp_cron=1502729044.2059009075164794921875
- The ASEAN. (1967). China Report. Vol. 3. No. 6. P. 5–6.
- Torkunov A. (2010). Yadernye ispytaniya v KNDR: takticheskie oshibki i strategicheskie problemy [Nuclear Tests in the DPRK: Tactical Mistakes and Strategic Problems]. In *Po doroge v budushee*. Moscow: Aspekt Press. P. 345–348.
- Vorontsov A., Agaltsov P. (2010). Vozmozhna li mnogostoronnyaya struktuka bezopasnosti v Vostochnoj Azii [Is It Possible to Create a Multilateral Security Structure in East Asia?]. *Problemy Dalnego Vostoka*. No. 4. P. 7–23.
- Wallerstein M.B. (2015) The price of inattention: a survivable North Korean nuclear threat? *The Washington Quarterly*. Vol. 38. No. 3. P. 21–35.